

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На реке Чусовой

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На реке Чусовой

«Public Domain»

1883

Мамин-Сибиряк Д. Н.

На реке Чусовой / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1883

«По западному склону Уральских гор сбегает много горных рек и речонок, которые составляют главные питательные ветки бассейна многоводной реки Камы. Между ними, без сомнения, по оригинальности и красоте первое место принадлежит реке Чусовой, которая прорыла свое каменистое ложе сквозь скалы и горы на расстоянии нескольких сотен верст. Эта горная красавица представляет для судоходства почти непреодолимые препятствия, и поэтому нам особенно интересно познакомиться с тем, как преодолевает это препятствие простой русский мужик, даже не знающий грамоты...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1883

© Public Domain, 1883

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На реке Чусовой

I

По западному склону Уральских гор сбегает много горных рек и речонок, которые составляют главные питательные ветки бассейна многоводной реки Камы. Между ними, без сомнения, по оригинальности и красоте первое место принадлежит реке Чусовой, которая прорыла свое каменистое ложе сквозь скалы и горы на расстоянии нескольких сотен верст. Эта горная красавица представляет для судоходства почти непреодолимые препятствия, и поэтому нам особенно интересно познакомиться с тем, как преодолевает это препятствие простой русский мужик, даже не знающий грамоты. Свое начало Чусовая берет немного южнее Екатеринбурга, сначала течет на север, а потом медленно поворачивает к северо-западу, пока не впадет в реку Каму выше города Перми верст на двадцать.

Сплавная часть Чусовой, то есть та, по которой возможно судоходство, тянется на 600 верст. Средняя часть этого течения, занимающая верст 400, составляет самую живописную полосу Чусовой и кончается как раз в том месте, где проходит через реку Уральская железная дорога. Здесь Чусовая выбегает окончательно из «камней», как бурлаки называют горы, и дальше уже течет по низменной равнине, где берега только иногда поднимаются высокими буграми, и на них, как исключение, попадаются те страшные прибрежные скалы, которые бурлаки называют бойцами. Самая красивая часть Чусовой вместе и самая опасная для плывущих барок: у бойцов «бьются» не только барки, но и люди гибнут десятками.

На всем своей протяжении Чусовая представляет совершенно пустынную реку, где прибрежные селения являются каким-то исключением. Правда, на Чусовой стоят несколько больших заводов, которые, конечно, оживляют реку, но их слишком мало; затем остаются пристани, откуда отправляются барки; но пристани оживляются едва на один месяц в году, на время весеннего сплава, а на все остальное время точно засыпают...

А между тем Чусовая имела и имеет громадное значение для Урала, потому что по ней ежегодно сплавляется больше шести миллионов пудов разных грузов, одних бурлаков на чусовских пристанях каждую весну собирается до двадцати пяти тысяч человек.

Несколько лет тому назад мне случилось проплыть без малого всю Чусовую с весенним караваном, о чем я и хочу вам рассказать.

В последних числах апреля месяца, когда на открытых местах снег уже стаял и показалась первая бледная зелень, я подъезжал по самой ужасной дороге к одной из верхних чусовских пристаней. На Чусовой стоял еще лед, рыхлый я ржавый; в лесу лежал почерневший снег, но в воздухе уже чувствовалась весна, и с неба лились волны теплого весеннего света, заставлявшего высыпать из-под прошлогодних листьев зеленые усики молодой травки и набухать ветви берез, рябин и черемухи. Весна на Урале, как и в других северных или гористых местах, наступает быстро, разом, так, что, собственно, пожалуй, и нет той весны, какая бывает на юге: переход от зимы к лету слишком резок, как и переход от лета к зиме.

В первую минуту я не узнал знакомой пристани, на которой бывал несколько раз летом и зимой. Обыкновенно тихая деревушка, с полсотней изб, облепивших крутой берег, теперь походила на живой муравейник, где копошились тысячи черных точек. В воздухе там и сям слышалась «Дубинушка»:

Ой, дубинушна, ухнем!
Раззеленая, подернем...

Улицы были запружены бурлаками, так что экипаж мог пробраться только шагом. Сейчас за деревней, на низком мысу, стояло десятка полтора почти совсем готовых барок, оставалось только кое-где проконопатить пазы (отверстия между досками) и залить их варом. Эта работа была не трудная, и совсем готовые барки только ждали момента, когда на реке тронется лед, чтобы всплыть на вольную вешнюю воду.

– К Ермолаю Антипычу, – сказал я своему кучеру.

– Ладно...

Моя повозка остановилась у низенького, одноэтажного дома с большими окнами, выходящими прямо на реку. Я всегда любил этот низенький бревенчатый домик, в котором было так тепло и уютно, а между фуксиями и геранями, которые стояли на окнах, каждый раз мелькало розовое, улыбающееся личико маленькой девочки, Любеньки. Нужно сказать, что мы были большими друзьями, и Любенька звонко встречала меня каждый раз одной фразой: «Папа, папа! Городской человек приехал!» Любеньке было шесть лет с небольшим, и она нигде не бывала, кроме своей пристани, потому я и получил у нее название «городского человека».

– А то как же? Вы даже в Москве бывали и в Петербурге, – говорила девочка, недоверчиво поглядывая на меня светлыми глазками. – Конечно, городской, а вот я – деревенская...

В первый раз, когда Любенька услышала, что я бывал в Москве и Петербурге, она долго не хотела верить такому чуду: никто из пристанских не заезжал в такую даль. Москву и Петербург можно видеть только в книжках с картинками. Только когда Ермолай Антипыч убедил маленькую дочурку, что я действительно был так далеко, Любенька наконец поверила и назвала меня городским человеком. Впрочем, по выражению ее глаз я иногда замечал, что она сомневается в своем городском человеке и производит ему маленький экзамен.

– Папы нет дома, – заявила Любенька на этот раз. – Он на берегу, где строятся барки...

– Городской человек устал, Любенька, и хочет чаю.

– Сейчас я скажу Марфе.

У Любеньки не было матери, которая умерла года три тому назад, и всем хозяйством в доме заправляла ворчливая, старая Марфа. Домик Ермолая Антипыча разделялся на четыре небольших, уютных комнатки, из которых одна была занята кабинетом Ермолая Антипыча, в другой жила Любенька, а две последних носили громкое название гостиной и столовой, хотя могли быть названы и иначе, потому что в столовой, например, стояла кровать хозяина, а в гостиной – его длинный письменный стол.

– Вы кстати приехали, – говорила Любенька, пока я в гостиной разминал разбитые дорожной ноги.

– А что...

– Да так... Река скоро тронется, будет очень весело. Барки мимо нас побегут. Потом свой караван будем отправлять... Как же!.. Из пушки будут стрелять на берегу... Я боюсь, когда из пушки стреляют...

– А когда, Любенька, Чусовая тронется?

– С часу на час ждуть... Сплавщик Илья у нас вчера чай пил и говорил, что скоро уж. Барки готовы, бурлаки собрались... Да...

Маленькая хозяйка рассказала мне последние пристанские новости, которые, главным образом, вертелись все около того же сплава.

– Снега нынче глубоки, – серьезно рассказывала Любенька, – Илья боится, как бы дружная весна не ударила... По высокой воде много барок уьется.

Девочка передавала только то, что сама слышала от других, и говорила тем языком, каким говорят только на Чусовой: «барка уьется», а не разобьется, потому что для сплавщика Ильи барка – не мертвая посудина, а живое существо: «ударит дружная весна», «снега выпали глубоки», «река тронется» и т. д.

II

Едва Марфа успела подать кипевший самовар, как в передней послышались голоса Ермолая Антипыча и сплавщика Илья.

– У нас городской человек, папа, – докладывала Любенька, выскочив навстречу отцу.

– Мы гостям рады, – отвечал Ермолай Антипыч, появляясь в дверях.

– Здравствуйте, Ермолай Антипыч, – здоровался я, пожимая руку хозяина. – Как поживаете?

– Чего нам делается: живем с Любенькой, как чирки в болоте. А вы к нам на сплав?

– Да, хотелось бы сплыть на караване до Перми...

– Что же, доброе дело: место найдется. Вот я Сейчас же и передам вас с рук на руки Илье... Где ты, Илья?

– Я сейчас, Ермолай Антипыч, – отозвался из передней Илья, – грязищи наташил на сапогах с улицы-то, надо обтереть, а то всю горницу вашу изведу...

– Да иди, ничего: грязь не сало, – высохло, отстало...

– Нет, это уже не порядок! Как же можно... Да барышня-то меня в другой раз и не пустит в горницу.

Сплавщик Илья наконец вошел в горницу, помолился в передний угол на образ и, трянувшись подстриженными в скобку волосами, поклонился на все три стороны, хотя в горнице, кроме нас троих, никого не было. Это был небольшой, сухонький старик с козлиной, темной бородкой, вылезавшей поверх синего, сермяжного кафтана клинушкой: худое, желтоватое лицо Илья не отличалось ничем особенным, за исключением глубоко ввалившихся, необыкновенно живых серых глаз, которые смотрели на все режущим, прищуренным взглядом. Короткие, кривые ноги Илья ступали медленно и крепко, точно шагал какой богатырь; сгорбленная спина и вытянутые, длинные руки делали его фигуру очень некрасивой на первый взгляд, но такие спины и руки бывают только у тех тружеников, которые работают, не жалея себя.

– Ну, здорово живете, – проговорил Илья, расставляя широко ноги и засовывая одну руку за красную шерстяную опояску, которою был перехвачен его синий кафтан.

– Здравствуй, Илья... Садись, так гость будешь.

Мы просидели за чаем незаметно целый час; разговор шел все время о Чусовой: когда она тронется, да как высока будет вода нынче, да не ударила бы дружная весна и т. д. – по пословице: у кого что болит, тот о том и говорит. Такие разговоры в квартире Ермолая Антипыча, вероятно, происходили последнее время изо дня в день, но они никому не надоедали, как не надоедает музыканту говорить о музыке, охотнику – об охоте, актеру – о театре. Даже Любенька не находила эти разговоры скучными и вставляла в них тоненьким голоском свое детское словечко. Илья любил «испить чайку» и пил стакан за стаканом, пока оставалась вода в самоваре, причем, как мышь, отгрызал свой кусочек сахара и постоянно стряхивал крошки с него себе в блюдечко; старая Марфа всегда сердилась на старика за его «аппекит» к чаю, потому что после господ любила сама побаловаться около самовара, а тут изволь-ка ставить для себя другой.

– В чего он только пьет, этот ваш Илья? – ворчала Марфа, сердито убирая пустой самовар со стола. – Дорвался до господского чая, рад ведро выпить.

– Теперь мы на берег сходим, – предлагал Ермолай Антипыч, обращаясь ко мне. – Вы, поди, не знаете, как и барки-то строятся?

– Нет.

– Вот Илья вам все, как по пальцам, расскажет...

Мы вышли. Весь берег Чусовой был запружен бурлаками; на мыске, где стояли магазины и совсем готовые барки, люди шевелились, как живая муравьиная куча. От домика Ермолая

Антипыча до мыска было с полверсты, и мы все время шли между живыми стенами. На время сплава на чусовские пристани народ набирается со всех сторон: из ближайших уездов Пермской губернии, из Вятской, Уфимской и даже Казанской. Некоторые бурлаки приходят на сплав за целую тысячу верст. Такой дальний путь в весеннюю распутицу требует недель пять и крайне тяжело отзывается на бурлаках: испеченные на солнце лица с растрескавшейся кожей, вместо одежды – какие-то лохмотья, на ногах лапти, за плечами – рваная грязная котомка, в руках – длинная палка, – по этим признакам вы сразу отличите бурлаков из дальних мест от рабочих с пристани и ближайших заводов.

– Здорово набралось бурлачков, – говорил Илья, когда мы начали спускаться под кручу берега. – Скворцы прилетят сперва, а за ними бурлачки...

Мы спустились по глинистой дорожке на самый мысок, где по берегу разместилось десятка два совсем готовых барок.

– Вот и наши посудинки, – любовно заметил Илья, постукивая кулаком в борт одной барки, которую еще конопатили. – Так носиками и глядят в реку...

Сплавщик Илья и вообще бурлаки относятся к барке, как к живому существу, которое имеет свои достоинства и недостатки, желания и даже капризы. Одна барка «любит сваливать нос направо», другая «вертится на ходу и прижимает корму к берегу», третья «лихо разводит речную струю», но «шалит под бойцами», и т. д. Опытный сплавщик, вроде Ильи, с первого взгляда видит достоинства и недостатки каждой барки, тогда как мне они казались совершенно одинаковыми...

III

На другой день я ходил около барок, когда по всему берегу пронесся общий крик: «Вода на прибыль пошла...» Толпы народа бросились к реке. Где-то вдали слышался неясный, глухой шум.

– Это вода идет, – объяснил Илья. – Пришло, видно, времечко нашей кормилице Чусовой вскрываться... Вон как лед-то надулся! Сейчас тронется...

Вода быстро прибывала; лед отстал от берегов и дал несколько трещин. Шум усиливался, точно по реке ползло громадное животное, с подавленным шипеньем и свистом. Скоро весь лед зашевелился и образовалось несколько свежих полыней, точно льдины были разорваны какой-то сильной ружьей.

– Воду из Ревдинского пруда спустили, – объяснял Ермолай Антипыч. – Чусовая иногда стоит долго, и вешняя вода может сбежать подо льдом. Чтобы взломать лед, спускают воду из Ревдинского пруда.

Ревдинский завод стоит в верховьях Чусовой, и его громадный пруд служит главным запасом воды для сплава по реке. Обыкновенно выпускается громадный вал, который растягивается по реке верст на двести; это и есть тот паводок, по которому сплавляются весенние караваны.

Через час картина пристани изменилась совершенно, точно все разом ожило кругом с громким говором и веселым весенним шумом. По реке длинной вереницей плыли льдины всевозможных форм: одни – желтые от весенней наледи, другие точно были источены червями. На заворотах они сталкивались и лезли одна на другую, образуя ледяные заторы; особенно сильно напирал лед на мысок, где стояли барки; льдины, как живые, вылезали на песок и рассыпались здесь сверкающими ледяными кристаллами и белым снежным порошком. В воздухе потянула струя холода, а стоявший на Чусовой лес глухо зашумел. Откуда-то взялись вороны, которые, с беспокойным карканьем, перелетали с льдины на льдину.

– Ну, теперь нам самая горячая работа, только успевай поправляться, – говорил Ермолай Антипыч. – Нужно завтра спустить все барки в воду и в три дня нагрузить. Каждый час дорог! Ведь на каждую барку нужно положить грузу тысяч пятнадцать пудов... На некоторых пристанях есть свои гавани, ну, там успевают нагрузиться заблаговременно, а нам приходится грузить прямо в реке.

Вся пристань приняла совершенно праздничный вид. Все разоделась в лучшее платье, какое у кого было. Пристанские мужики вырядились в ситцевые новые рубахи и новые кафтаны, на бабах запестрели яркие сарафаны и кумачные платки. Только не во что было разодеться бурлакам, которые пришли на пристань издалека. Им, вероятно, сделалось еще тяжелей от этого чужого праздника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.